

ПЕТРОГРАДСКИЙ СВЯЩЕННИК

О Блоке *

...Посмотрите на меня,
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Доклад возник случайно и не был записан. Несколько моих знакомых после вечера памяти Блока, устроенного в январе с. г. Союзом писателей и Большим драматическим театром по случаю 5-летия смерти поэта¹, не удовлетворившись поверхностностью докладов о нем и невыразительностью актерской декламации его стихов — кстати, неудачно подобранных, — просили меня дать «введение в творчество поэта», хотя бы в виде примечаний к чтению его стихов.

В такой именно форме и было сымпровизировано мое сообщение. Оформить импровизацию, пожалуй, удобнее всего в тезисах, выражающих предпосылки моего подхода к Блоку.

Тезирование, впрочем, предполагает неизбежно ущербность мотивировки и аподиктичность стиля.

1. Блок — подлинно великий русский поэт лермонтовского масштаба и стиля — представляет отстоявшуюся (и ныне оставленную) ценность русской культуры.

2. Надлежащую, т. е. единственно-содержательную формулу этой ценности можно найти, лишь вставив изучаемый феномен (творчество поэта) внутрь какой-либо строго монистической системы, правомочной оценивать самое культуру.

Современная российская императивность марксизма принудительно наталкивает (в этом ее добро) на необходимость выбо-

* Эта рукопись — доклад, принадлежащий умершему петроградскому священнику, доставлена в редакцию «Пути» из России. — *Редакция.*

ра монистической системы мировоззрения, внутри которой надлежит «расставить на свои места» накопленные ценности культуры.

Сейчас непосредственно ощутимо, что мир расколот религиозным принципом: антитезис марксизму — только христианство (т. е. православие), религии человекобожия — религия богочеловечества. Наше время обнажило природу спора: *tertium non datur*². Или — или. Но для последовательного немарксиста *non datur* и *secundum*³.

3. Монистической системой, правомочной оценивать самое культуру и отдельные феномены, берется философия православия.

4. Генетическая зависимость культуры от культа заставляет искать истоков тем культуры в тематике культа, т. е. в богослужении.

В нем — все начала и концы, исчерпывающие совокупность общечеловеческих тем в их чистоте и отчетливости.

Культура же, от культа оторвавшись, обреченно их варьирует, обреченно искажая. Так, служанка, оставшись одна, повторяет как свои фразы и жесты госпожи. Творчество культуры, от культа оторвавшейся, по существу, пародийно. Пародийность предполагает перемену знака при тождестве тем.

5. Познание — определение чего-либо *per genus proximum et differentiam specificam*⁴.

Тематика культа *differentiam specificam* — привилегия литературы — что *proximum genus* для нее направление искажения той или иной пародирующей темы.

Отсюда методологическая презумпция в отношении литературы: единственно подлинное изучение ее единого материала — выражение его «в терминах» тематике культа.

Отсюда же и критерий «ценности», «значительности» литературного явления: значительно то, что значимо в терминах тематике культа: степень «ценности» соответствует легкости соотношения феномена литературного с ноуменом культовым, легкости усмотрения в тематике литературной глубинности религиозной.

Эта ценность, разумеется, относительная, вытекающая из отношений двух областей и потому не являющаяся еще ценностью внутри каждой из них. Необходимо учитывать перемену знака, т. е. несовпадение пародии с пародируемым.

Но всякая ценность относительна по природе. Очевидно, что критерия ценности литературных явлений внутри самой лите-

ратуры, как замкнутой системы, быть не может. Понятие ценности предполагает... выход в другую систему — систему *generis proximi*.

6. Значительность поэзии Блока в указанном смысле бесспорна, ибо бесспорно подлинна его мистика.

Мистические предпосылки символизма могут быть поняты и оценены только в предпосылках подлинной религии, т. е. православия.

Любой внеправославный подход к поэзии Блока должен считаться недостаточным для ее понимания, а позитивистические подходы к символизму — без веры и причастности символа той реальности, которую он символизирует, должны считаться оскорбительным, как смердяковское «про неправду все написано»⁵. Блок или великий поэт, потому что говорит о подлинной реальности, или — если этой реальности нет — симулянт, «только литератор модный», без будущего, как всякая мода.

Но и «слов кощунственных творец»⁶ есть уже поэт значительный, ибо кощунственные слова — неправда, сказанная о Правде; «кощунство всерьез» обязывает быть причастным глубине, предполагает укорененность в глубинах сатанинских.

7. Мистика Блока подлинна, но — по терминологии православия — это иногда «прелесть», иногда же явные бесовидения. Видения его подлинны, но это видения от скудости, а не от полноты.

В отчетливости демонизма у Блока «выходит прогресс даже против Лермонтова».

8. Одна из основных тем Блока — о видении Прекрасной Дамы, — восходящая по тематике литературной к пушкинскому романсу «Жил на свете рыцарь бедный» и к «Трем свиданиям» Соловьева⁷ (впрочем, источникам, сливающимся в своем истоке), а по тематике культовой — к католическому средневековому культу Богоматери, — представляет искажение (пародию) подлинного восприятия «Честнейшей Херувим»⁸ в видениях являющейся святым. (Примечательно: это тема русской агиологии: преп. Сергей, Серафим — «Избранник, возлюблен Божия Матере»⁹.)

Культовый — а именно этот — исток блоковской темы совершенно несомненен: одновременны у Блока надписанные на тетради стихов о Прекрасной Даме эпиграфом:

Он имел одно виденье
Непостижное уму...

(Пушкин)

и проект писать кандидатское сочинение о чудотворных иконах Божьей Матери («Письма Б.», Воспоминания С. Соловьева, с. 12)¹⁰.

Терминология его стихов данного цикла определенно пародирует церковную.

Он за Матерью Христа
Непристойно волочился¹¹.

Это основной у него отдел его творчества, представляющий отчетливейшую в русской художественной литературе пародию 9-й песни Утреннего канона, прославляющей «Честнейшую Херувим»¹², подобно тому как лермонтовский космизм пародирует мотив полиелейных псалмов¹³, символизирующих в суточном богослужбном круге — вообще воспроизводящем собою шестоднев¹⁴ — творческий акт 4-го дня, — творение светил под ликование ангелов¹⁵.

Примечательно у Блока соседство книг «Ante Lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме»¹⁶ — 9-я песнь в утрени — «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим» — предшествует великому славословию, встречающему рассвет¹⁷.

9. Выше упомянуто о взаимной сводимости тем пушкинского «Жил на свете рыцарь бедный» и «Трех видений»¹⁸ В. Соловьева. Первое — определение¹⁹ от культа Богоматери, второе восходит к философствованию о Софии.

Остро интересна разработка проблемы об отношении философов о Софии к догматико-богословскому учению о Личности Богоматери²⁰. Проблема ждет исследования: не предрешая выводов, кажется возможным, однако, глубинное единство тем принять за предпосылку. Обломки софийных философов, попадающие в низовьях потоков «культуры» — к романтикам в формуле «Вечная женственность», ассоциацией сходства возводят мысль горе, туда, где молятся Богородице-Присно-Деве. Решающий же аргумент правомочности сближения тем о Софии и Марии дает Церковь, установившая чтение «законоположных для всякого софииста отрывков о Премудрости» (Притч. 9: 1—2) в качестве паремии именно в Богородичные праздники (а в Благовещение — Притч. 8: 22—30)²¹.

Ветхозаветный символ — по свойству всякого символа должен мыслиться и быть причастным символизируемой реальности, как причастен субстанции модус.

Дохристианское учение о Софии не есть ли вскрытие одного из модусов субстанции — Новозаветное богословие, в котором

раскрываются модусы другие; София не есть ли вершина ветхозаветных предчувствий о «Честнейшей Херувим»?

10. Характерная особенность блоковской темы о Прекрасной Даме — изменчивость ее облика, встречи с нею не в Храме только, но в «кабаках, в переулках, в извилах»²², перевоплощаемость Ее, Святой, в блудницу. «Владычицы вселенной, красоты неизреченной»²³, «Девы, Зари, Купины»²⁴ — в ресторанный девку²⁵ — изобличает у Блока хлыстовский строй мыслей, допускающий возможность и даже требующий воплощения Богородицы в любую женщину²⁶.

Стихи утонченнейшего русского поэта и домыслы грубейшей русской секты соприкоснулись в своем глубинном. И «культура» и «некультурность», от культа оторвавшись, одинаково его исказили, заменив культовую хвалу Владычице непристойной на нее хулой.

Хула на Богоматерь — существенный признак блоковского демонизма. Литературно это — от «Гавриилиады»²⁷.

11. Дальнейшее изложение сводится к документированию тезисов блоковскими стихами и к примечаниям на некоторые из них. [(Использованы 3 первые тома издательства «Алконост», Берлин, 1923; из 4-го тома взято — «Двенадцать». Примечания к этим поэмам в тезисе — 12-м.)]

12. Поэма «Двенадцать» — предел и завершение блоковского демонизма (и метафизическое, над ним: ему показана предельная подмена, — и хронологическое, им самим в своем, хотя и обреченном, творчестве: больше ничего не писал).

Стихия темы, в этой поэме раскрывающаяся, названа начальными словами: «черный вечер». В плане тематики литературной поэма восходит к Пушкину: бесовидение в метель (Бесы)²⁸.

Пародийный характер поэмы непосредственно очевиден: тут борьба с церковью, символизируемой числом — 12. Двенадцать красногвардейцев, предводителем коих становится «Исус Христос», пародируют апостолов даже именами: Ванька — «ученик его же любяще», Андрюха — Первозванного и Петруха — Первоверховного²⁹. Поставлены под знак отрицания священник («А вон и долгополый...») и иконостас («От чего тебя упас золотой иконостас»), т. е. тот и то, без кого и чего не может быть совершена литургия. [Значительность этого последнего кощунства уяснится раскрытием значения иконостаса в одной работе о. П. Флоренского (Изложение по записи, хотя и почти стенографической, потому без кавычек).

Храм есть путь к Богу. Богослужение ведется по 4-й координате глубины — горе. Храм — лестница Иакова: притвор — храм-алтарь — престол — чаша — Св. Тайны — Христос — Отец. Алтарь — пространство неотмирное. Небо от земли — алтарь от храма должен быть отделен видимыми свидетелями Невидимому — ликам святых. Они — как видения — возникают на границе видимого и невидимого: они на грани двух миров — «ангелы во плоти». Иконостас — грань видимого и невидимого: агиофания и ангелофания. Иконостас — в силу слепоты духовного зрения — дает в красках то, что мы должны были бы узреть, перед Божиим престолом — живой облик свидетелей. Иконостас — костыль духовный для полуслепых, хромых, увечных. Уничтожить иконы — замуровать окна. Алтарь без иконостаса был бы отделен от храма глухой стеной и «eo ipso»³⁰ перестал бы быть алтарем.

Икона — линия, обводящая видение. Икона — окно в тот мир. Окно есть окно — только если за ним свет. Тогда оно — сам свет, а вне отношения к свету, как недействующее, оно мертво и не есть окно. Если символ являет реальность, то он от нее неотделим, иначе он не символ, а лишь чувственный материал.

Икона — энергия благодати Божией, а если этого прикосновения нет — она просто доска. Икону надо или недооценивать, или переоценивать, но не застывать на ее понимании как «символа напоминания» только³¹.]

Блок, символист, не мог этого не понимать. Его недооценка нарочито кощунственна.

В поэме имеется четкое отрицание крещальных отрицаний. Троекратное и не всегда в поэме внутренне мотивированно повторяющееся «Свобода, свобода. Эх, эх, без креста» мотивируется параллельностью в чине оглашения «Отрекся ли еси сатаны» — Отрекохся, и «Сочетаешься ли еси Христу» — Сочетаваюсь³². В этом отношении поэма-повторение второго крещения, отрицание крещальных отрицаний, отказ от крещальных стяжаний: креста («Эх, эх, без креста» и имени... «и идут без имени святого все 12 вдаль»).

В поэме отчетливо и не обинуясь говорят черти:

Эх, эх поблуди,
Сердце екнуло в груди.
Эх, эх согреси,
Легче будет для души.
Эх, эх освежи,
Спать с собою положи.

Эх, эх,
 Позабавиться не грех.
 Запирайте этажи,
 Нынче будут грабежи.

Это только перевод на смердяковский язык Иван-Карамзовского «все позволено», более изысканно выраженного раньше:

Сверкнули ли дерзостные очи,
 Ты их сверканья не отринь.
 Грехам, вину, и страстной ночи
 Шепча заветное «аминь»³³.

Характер прелестного видения, пародийность лика, являющегося в конце поэмы «Исуса» (отметим разрушение спасительного имени)³⁴, предельно убедительно доказывает состояние страха, тоски и беспричинной тревоги «удостоившихся» такого видения. Этот Иисус Христос появляется как разрешение чудовищного страха, нарастание которого выражено девятикратным окриком на призрак и выстрелами, встреченными долгим смехом вьюги. Страх тоски и тревоги — существенный признак бесовидения, указываемый агиографической литературой. На вопрос, по каким признакам можно распознать присутствие ангелов добрых и демонов, принявших вид ангелов, преп. Антоний Великий отвечал: «Явления Св. ангелов бывает невозмутительно. Являются они безмолвно и кротко, почему в душе немедленно являются радость, веселие и дерзновение... Нашествие и видение злых духов бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно нашествию разбойников. От сего в духе происходит: болезнь, смятение, страх смертный.

Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо его в вашу душу явилась неизгладимо неизглагольная радость, то не теряйте упования и молитесь, а если чье явление сопровождается смятением, внешним шумом, мирской пышностью, то знайте, что это нашествие злых ангелов»³⁵.

Блок говорил (Чуковскому), что, написав «12», несколько дней подряд слышал непрекращающийся не то шум, не то гул, но потом это смолкло*.

* «Он рассказывал, что, написав “12”, несколько дней подряд слышал непрекращающийся не то шум, не то гул, но после замолкло и это» (Чуковский К. Последние годы Блока // Записки мечтателей.

Чуковский свидетельствует, что Блок «всегда говорил о своих стихах так, словно в них сказалась чья-то посторонняя воля, которой не мог не подчиниться, словно это были не просто стихи, но откровение свыше. Часто он находил в них пророчества» *.

А в конце «12», когда Гумилев заметил, что место, где появился Христос, кажется ему искусственно приклеенным, Блок сказал: «Мне тоже не нравится конец “12”. Я хотел бы, чтобы он был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос. Но чем больше я вглядывался, тем яснее видел Христа. И тогда записал у себя: к сожалению, Христос» **³⁶.

Противоестественное сочетание последних слов уясняет природу видения. Параллель ему в агиографической литературе читаем в житии преп. Исаакия Печерского (14 февраля).

У нас на Руси, — «однажды при наступлении вечера преподобный, утомясь после молитвы, погасив свечу, сел на месте своем. Внезапно пещеру озарил великий свет, яркий, как солнечный, и к преподобному подошли два беса в образе прекрасных юношей, лица их светились, как солнце; они сказали святому: “Исаакий, мы ангелы, а вот грядет к тебе Христос с небесными силами”. Поднявшись, Исаакий увидел множество бесов, лица их светились как солнце; один же среди них сиял более всех, и от лица его исходили лучи; тогда бесы сказали Исаакию: Исаакий, вот Христос, пади перед Ним и поклонись Ему. Не поняв бесовской хитрости и позабыв ознаменовать себя крестным знамением, преподобный преклонился тому бесу, как Христу. Тотчас же бесы подняли великий крик, возглашая: “Исаакий, ты теперь наш”. И заставили его плясать до изнеможения» ***.

1922. № 6. С. 156). Здесь не цитируются воспоминания Белого, где есть аналогичная ссылка на признание Блока: «В заметке А<лександра> А<лександровича>, найденной после кончины его, встречается одно характерное место: “<...> Например, во время и после окончания «12» я несколько раз ощущал физическим слухом большой шум вокруг, шум слитный, вероятно, шум от крушения старого мира”» (Там же. С. 10). С отд. неточностями.

* Цит. по кн.: Ашукин Н. С. А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1924. С. 41 (с отд. неточностями).

** Там же. С. 41 (с отд. неточностями).

*** Жития святых на русском языке, изложенным по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1905. Кн. 6. С. 284.

К МУЗЕ (1912)*

Есть в напевах твоих сокровенных
 Роковая о гибели весть.
 Есть проклятье заветов священных,
 Поругание счастья есть. <...>

Демонизм этой саморекомендации предельно отчетлив. Но понимал ли Блок сам всю значительность своих признаний?

Вот православный материал для ее уяснения (к строфе 3-й)³⁷.

Из жития преп. о. н. Максима Консохольвата.

Об умной молитве. Добротол. V, 475—476.

«Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его, делает диким, сердце ожесточает и омрачает, навеивает боязнь, и страх, и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно перед очами показывает, свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает исступленным и бесноватым и уста заставляя говорить слова непокорливые и хульные».

В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывали признаки непрелестного и прелестного просвещения, как делал и преблаженный Павел Латрский, когда вопросившему его о сем ученику своему сказал: «Свет силы вражеской огневиден и подобен чувственному огню» (св. Каллист и Игнатий. Наставление безмолвствующим; гл. 63, Добротол. V, 382).

«К новоначальным нравоучительным и деятельным бес приходит звуками ясными и неясными. А в созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух наподобие света, а иногда производя какие-либо образования, чтобы такими искушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова».

«Неяркий, пурпурово-серый» — это окраска для многих блоковских стихов.

ДВОЙНИК (1909)

Однажды в октябрьском тумане
 Я брел, вспоминая напев. <...>

Это стихотворение и другое «Мой бедный, мой далекий друг» (1912) литературные предки есенинского «Чужого человека» **.

* Здесь и далее угловыми скобками обозначены сокращения блоковских стихов, приведенных в тексте доклада полностью. — *Ред.*

** Правильно — «Черного человека».

ПЕСНЬ АДА (1909)

.....
 В сей час в стране блаженства мы ночуем,
 Лишь здесь бессилен наш земной обман,
 И я смотрю, предчувствием волнуем, <...>

К тезису 8 и 10. Одно из самых жутких по предельному обнажению «тайного», подсознательного — стихотворение Блока. Поистине страшно читать такую исповедь одержимой души.

Я коротаю жизнь мою,
 Мою безумную, глухую:
 Сегодня — трезво торжествую,
 А завтра — плачу и пою. <...>

(к тезису 7-му)

Ночь, улица, фонарь, аптека.
 Бессмысленный и тусклый свет,
 Живи еще хоть четверть века —
 Все будет так. Исхода нет.
 Умрешь — начнешь опять сначала,
 И повторится все как встарь:
 Ночь, ледяная рябь канала,
 Аптека, улица, фонарь.

Стихотворение выражает страдание, сопровождающее мысль о вечном круговращении. Идея к Блоку попадает от Екклесиаста («Нет ничего нового под солнцем», 1.9) через Ницше и Достоевского: «Да теперяшняя земля, может быть, сама-то биллион раз повторялась, ведь это развитие может уж бесконечно раз повторяется все в одном и том же виде до черточки... Скучища неприличнейшая!» (Братья Карамазовы. Черт. XV, с. 79).

Но ощущение этой неизбывной в человечестве эмоции у Блока совершенно непосредственно.

КАК РАСТЕТ ТРЕВОГА (1913)

Как растет тревога к ночи!
 Тихо, холодно, темно.
 Совесть мучит, жизнь хлопочет.
 На луну взглянуть нет мочи
 Сквозь морозное окно. <...>

(к тезису 7-му)

Ощущение «кого-то», бродящего в мире, повторено в «Возмездии» с большей (если здесь еще не ясно...) конкретизацией:

Двадцатый век... Еще бездомней,
 Еще страшнее жизни мгла

(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Литературно это и следующее («Жизнь моего приятеля») восходит к пушкинскому «Когда для смертного угаснет шумный день». Но для уяснения подлинной природы тревоги, страха, тоски и беспокойства, о которых говорит Блок, вот несколько параллелей. Нет нужды удаляться в «Добротолубие» — пусть говорит блоковский современник: «Многочисленны и разнообразны пути, которыми диавол входит в душу и удаляет ее от Бога, налегает на нее всем существом своим — мрачным, ненавистным, убивающим... Когда диавол в нашем сердце, тогда необыкновенная, убивающая тяжесть и огонь в груди и сердце; душа человеческая стесняется, все ее раздражает, ко всякому делу чувствует отвращение... Большая часть людей носит добровольно в сердце своем тяжесть сатанинскую, так как привыкли к ней, то часто и не чувствуют ее и даже увеличивают ее незаметно. Иногда, впрочем, злобный враг удесятерит в них свою тяжесть, и тогда они страшно унывают, малодушествуют, рошцут, хулят имя Божие. Обыкновенное средство прогонять тоску у людей века сего — вечера, картины, танцы, театры. Но эти средства после еще более увеличивают скуку и томление сердца. Если же, по счастью, обратятся они к Богу, тогда спадает вся их тяжесть. И они видят ясно, что прежде на их сердце лежала величайшая тяжесть, хотя они часто и не чувствовали ее... Если ты иногда замечаешь в уме и сердце крайний мрак, скорбь, тоску, тесноту и неверие, тогда знай, что в тебе сила, враждебная Христу, — дьявольская. Эта сила темная и убивающая, прокравшись в наше сердце через какой-либо грех сердца, часто не дает призывать Христа и Святых, скрывая их за мглой неверия...» (О. Иоанн Кронштадтский. *Моя жизнь во Христе*. Т. 1. С. 90, 136, 138).

ГОВОРЯТ ЧЕРТИ (1915)

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи. <...>

Блоковские черти с изумительной откровенностью, выражаясь современно, «обнажают прием»³⁸ своих искушений — пародийность (шептать заветное «аминь» как ангелы — пародия на Пс. 90: 11). Но учат — глупости — Грехам, вину и страстности ночи, т. е. злу, — нельзя шептать «аминь», так как грех непри-

частен истинному бытию и не может быть утвержден аминем. Грех-опасность потери бытия, небытия по причине греха... ибо зло не существует (*Дионисий Ареопагит*). О церк<овной> иерархии). «Аминь» над вином только единственный раз «а еже в чаше сей». И то тогда, когда оно онтологически уже не вино³⁹.

ДЕМОН (1916)

Иди, иди за мной — покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой. <...>

Вариант мотивов лермонтовского Демона, близкий к подлиннику словарными и ритмо-синтаксическими деталями (ср. 5-ю строфу с лермонтовским «Ты знаешь ли, какая малость»).

И ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь.
Волненье крови молодое,
Но дни бегут и стынет кровь⁴⁰.

Но ученик превзошел учителя. Стих — абсолютно совершенен по форме и чистоте языка.

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть невозможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

1909

Это и следующее — жуткое свидетельство опустошенности души, прижизненной смерти, касания небытия, распада личности.

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы:
День догорел в душе давно.

1909

И для человека выпало основное прошение просительной ектеньи: «Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим»...

Ектенья — схема всей человеческой жизни. Она объемлет все, что разворачивается на фоне жизненного дня... А здесь — потух фон, «день догорел в душе давно».

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы.
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий Ангел с дерзкой ветвью.
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красоты!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...

И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — неизвестную болью
Озарился светлый круг лица...
И над ними — символ своеволия —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый,
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani procul ite,
Nis amoris locus sacer est».

Это «хула на Духа Святого»⁴¹ — «очевидные побеги пушкинского «ствола», повторение «Гавриилиады», которая сама — вульгаризированный осколок несторианской ереси⁴².

Кощунство над «спасения нашего главизной» — предел всякого демонизма и свидетельство подлинности последнего.

Тут в отрицании «еже от века таинства явления»⁴³ — заключено отрицание всех таинств, особенно таинства Тела и Крови Христовой, отрицание Литургии. Говоря образно, Блок ломится к престолу («ложесна бо Твоя престол сотвори»)⁴⁴ через Царские врата, сокрушая центр иконостаса (Благовещение). Примечательно, что в стихотворении, имеющем в виду католическую картину⁴⁵, упомянуты все символы православных Царских врат: Благовещение, следовательно и ангел и гриф (т. е. голова орла у крылатого туловища льва, когтящего тельца). Мотив борьбы с Иконостасом у Блока и в «12»:

— От чего тебя упас
Золотой Иконостас —

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой
Ведь мгла — все — мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,

Тем кажется железней, непробудней,
Мой мертвый сон.

1912

Замечательно раздражение против церковного звона, т. е. физического вторжения Церкви в сферу «князя воздушного». И примечателен спектр стихотворения: «красно-серый». (Сравнить выше — свет бесовидения.)

Разлетясь по всему небосклону,
Огнечерная туча идет.
Я пишу в моей келье Мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнечерные отсветы ярче,
На суровом моем полотне...
Неотступная дума все жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

1914

Это и два следующих — как оправдание предчувствия:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо...
...Но страшно мне: изменишь облик Ты.

Полное совпадение «Ее лица» (во 2-м стих.) и лица «Демона утра» показывает, что подмена совершилась.

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон
Весь — перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

1914

Примечательно, что в молитве Златоуста на всякий час суток, если начать ее с первого часа по церковному счету, т. е.

с 7 часа утра — прошение «Господи, покрый мя от человек некоторых, и бесов и страстей, и от всякие иныя неподобныя вещи» приходится на 5 часов утра.

А у Ключева (как у Гоголя в «Старосветских помещиках») встречаем видение беса полуденного:

На отмели греет оплечья —
Полуденный бес, как тюлень,
По тяге в сивушную лень
Узнаем врага человечья.

Он в тундре оленем бежит,
Суглинком краснеет в овраге
И след от кромешных копыт —
Болотные, тряские <ляги>⁴⁶.

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ, дьявольский и дикий,
В сию священную броню.
В моей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенных свечей,
Бужу я память о двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать,
Люблю высокие соборы
Душой смиряясь, посещать.

1902

Мотив пародийности, лежащий в основе творчества, обнажен здесь самим поэтом.

«Что еще требуете свидетелей. Се ныне слышахом хулу его»⁴⁷.

Был вечер поздний и багровый,
Звезда предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
 Как долгий визг веретена,
 Пошли в смятении старец важный,
 И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
 В невозмутимой тишине
 Среди толпы возник Иуда
 В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
 Послали весть во все концы,
 И на губах Искарриота
 Улыбку видели гонцы.

1902

«Но из-под маски лицемерной смеются лживые уста», — сказано было выше про себя. Значит, улыбающийся Иуда — автопортрет.

«Ты в поля отошла без возврата». Страстная суббота — слышится в этом великосубботнем стихотворении какой-то выверт мотива: «Не рыдай Меня Мати, зряще во гробе»...

Девушка пела в церковном хоре.

Смысл стихотворения мне представляется как тонкое кощунство: ребенок, причастный Тайнам, т. е. Тайнозритель, знает один, что молитва бесполезна и что, следовательно, все, кому кажется, что радость будет, — жалкие самообольщенцы.

Тут параллель тютчевскому:

И нет в творении Творца,
 И смысла нет в мольбе⁴⁸.

«Второе крещение» («Открыли дверь мою метели»). Стихотворение говорит про себя. Это нечто повторяющее опыт Юлиана Отступника с раскрещиванием, попытка «отмыть воды крещения»⁴⁹.

Здесь — отрицание купели и обетов при ней. Примечательно — крещением третьим будет смерть.

ПРОЧЬ

.....
 Трижды северное солнце
 Обошло подвластный мир!
 Трижды северные фьорды
 Знали тихий лед ночей!
 Трижды красные герольды
 На кровавый звали пир!

Мне — мое открыло сердце
 Снежный мрак ее очей!
 Прочь лети, святая стая,
 К старой двери
 Умирающего рая!
 Стерегите злые звери,
 Чтобы ангелам самим
 Не поднять меня крылами,
 Не вскружить меня хвалами,
 Не пронзить меня Дарами
 И Причастием своим!

1907

НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
 И погибнуть мне весело.
 Завела в очарованный круг,
 Серебром своих вьюг занавесила...
 Тихо смотрит в меня
 Темноокая. <...>

1907

Это не единственное стихотворение у Блока, где он сам сознает безвыходность своей одержимости.

По улицам метель метет,
 Свивается, шатается,
 Мне кто-то руку подает
 И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
 Гранитом темным сжатая.
 Течет она, поет она,
 Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
 И замер в смутном трепете:
 Вот только перейду между —
 И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
 (И воля уничтожена):
 «Пойми: уменьем умирать
 Душа облагорожена...

.....

[Ведет его (— как четко выражен характер данности, срв. терминологию Н. О. Лосского «мое» и «данное мне») часто яв-

лявшийся в метелях демон самоубийства. (Данное стихотворение можно сопоставить с «Демоном самоубийства» Брюсова.)

Диавол — не только дух небытия, но и дух самоуничтожения. Не имея средств уничтожить себя до конца, дух тьмы требует от Бога себе уничтожения... «И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти» * (Зосима в «Брат<ьях> Карамаз<овых>»).

Не получая уничтожения своей «ноуменальной личности», диавол свою тягу к небытию осуществляет тем, что обращает самоубийство на свою социальную веру, уничтожая в людях веру в свое существование, и толкает на самоубийство одержимых. Уныние — один из смертных грехов. Оно прямой путь к небытию. Существо, впавшее в уныние, обыкновенно стремится покончить с собой путем повешения (от Иуды до Есенина) и готово было бы ежедневно совершать над собой тот отвратительный акт, если бы могло надеяться прийти таким путем к полноте небытия. Отсюда — вожденность смерти для Блока. Но не самоубийства тут — бесполезного, — он понимает, но самого страшного — смерти второй — абсолютного метафизического уничтожения. Вот о чем слова: «Крещением третьим будет смерть».

Христиане — «в смерть Его (Иисуса Христа) крестихомся».

Блок хочет «креститься в его смерть».

Глубинная пародийность очевидна.]

(Кое-что в этом примечании из статьи Лосского «О природе сатанинской» (по Достоевскому). «Сборник» под ред. Долинина⁵⁰.)

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. XIV. С. 293.